

Теория документа в свете ноокоммуникологии

Рец. на кн.: Швецова-Водка Г. Н. Документ в свете ноокоммуникологии : науч.-практ. пособие / Г. Н. Швецова-Водка. – Серия «Современная библиотека». Вып. 65. – Москва : Литера, 2010. – 384 с.

В последние два десятилетия в странах СНГ заметно вырос интерес к теоретическим вопросам документоведения, активно обсуждаемым на многочисленных научных форумах и страницах специализированных журналов. Появились первые учебники и учебные пособия, а также работы монографического характера, где этим вопросам уделено значительное, а в ряде случаев – основное внимание [1].

В числе учёных, наиболее активно и плодотворно исследующих теорию документа, – профессор Ровенского государственного гуманитарного университета Г. Н. Швецова-Водка – автор многих научных статей и учебных пособий как на украинском, так и на русском языке [2]. Новая объёмная работа, недавно увидевшая свет в московском издательстве «Литера», посвящена вопросам теории документа. Обозначенная автором как научно-практическое пособие, книга по своему жанру может быть отнесена, скорее, к научной монографии, хотя, разумеется, её можно в полной мере использовать и в качестве учебного, практического пособия. О масштабе проделанной автором работы свидетельствует количество изученных источников (668 названий) на нескольких европейских языках.

Своё исследование Г. Н. Швецова-Водка начала с выяснения многочисленных значений понятия *документ*, которые используются в различных науках и в практике. Используя метод восхождения от абстрактного к конкретному, автор выделила восемь значений понятия *документ* – от самого широкого (Документ I) до самого узкого (Документ VIII). В самом широком значении – это «любой материальный (субстанциальный) объект, который может быть использован для передачи информации в обществе» (с. 79). В самом узком – «запись о юридическом акте, удостоверяющая личность, закрепляющая её юридическое положение в обществе (паспорт, удостоверение личности, диплом и т.п.)» (с. 81).

Отметив, что все восемь значений документа имеют общее основание и отличаются главным образом лишь объёмом понятия, автор прибегла для наглядности к образу «матрёшки»: каждое более широкое значение содержит в себе менее широкое. Методологическая ценность исследования и выводов заключается не в последнюю очередь в том, что этот подход можно использовать для анализа любой дефиниции документа с целью установить объём выражаемого ею понятия.

Наиболее распространённым в документационной науке, как справедливо отмечает автор, является использование понятия *документ* как «материального (субстанционального) объекта, на (в) котором социальная (семантическая) информация закреплена способом записи», т.е. в значении Документ IV (с. 80). В дальнейшем Г. Н. Швецова-Водка уделяет первостепенное внимание именно этому значению понятия *документ*. Кстати, первоначально слово «документ» (*documentum*), вошедшее в европейские языки из латыни, использовалось в дошедших до нас трудах Цицерона и Юлия Цезаря в значении именно письменного документа, имеющего главным образом правовой смысл [3. С. 102, 152, 153, 164; 4. С. 255], а не только и не столько в качестве «того, что учит; поучительного примера», как полагает Г. Н. Швецова-Водка вслед за некоторыми другими авторами (с. 9–10).

Одна из центральных в рецензируемом издании – вторая глава, где предпринята попытка определить место и роль документа с точки зрения теории социальной информационной коммуникации (ноокоммуникологии), поскольку, по справедливому замечанию автора, коммуникационная природа документа исследована недостаточно и обычно он изучается прежде всего с позиции информационной составляющей. Выбранный ракурс исследования представляется наиболее продуктивным и перспективным.

Рассматривая документ в свете ноокоммуникологии, Г. Н. Швецова-Водка даёт обоснование «краткому принципиальному» и «конвенциональному» определениям документа. В первом случае – это «единство информации и материального (вещественного) носителя, используемое в социальном информационно-коммуникационном процессе в качестве канала коммуникации» (с. 107). «Конвенциональное» же определение документа, по мнению автора, есть не что иное, как определение, данное Международной организацией по стандартизации, равное по объёму понятию Документа IV (с. 167).

В представлении Г. Н. Швецовы-Водка документ выступает как «концентрированная (законсервированная) коммуникация, которая воплотилась в материальный объект» (с. 108). Именно детальное рассмотрение документа как своеобразного канала (формы канала) коммуникации отличает авторский подход от подхода многих других исследователей. При этом автор не забывает, конечно, и о том, что документ одновременно выступает в качестве коммуниката (сообщения).

Наряду с конвенциональным определением документа Г. Н. Швецова-Водка не исключает возможность использования дефиниций с теми или иными ограничениями (например, архивный документ, управленческий документ и т.п.) применительно к конкретной сфере деятельности, исходя из особенностей функционирующих в них документов (с. 164). Наиболее детально такой подход обосновал Ю. Н. Столяров: он полагает, что в определении понятия *документ* «должно быть две части: имманентная, постоянная, с одной стороны, и факультативная, переменная, с другой» [5. С. 25–33].

Сущность документа невозможно раскрыть без обращения к анализу его функций и свойств. Не случайно многие определения документа, имеющиеся в научной литературе, содержат упоминания о том или ином его функциональном предназначении. Поэтому Г. Н. Швецова-Водка вполне оправданно уделила этому сюжету несколько десятков страниц. Однако выстроенная автором иерархия функций выглядит, на мой взгляд, не вполне убедительной и громоздкой.

Справедливо выдвинув на первый план коммуникационную функцию, Г. Н. Швецова-Водка выделяет в ней четыре подфункции. Затем, поставив на второе место информационную функцию, приходит к выводу, что информационная и коммуникационная функции – это две стороны одной и той же функции, которую в конечном счёте она определяет как основную (главную) «социально-коммуникационно-информационную» (с. 114–115). К числу общих, присущих всем документам, функций автор относит также функции фиксации информации на материальном носителе, функцию сохранения информации и ещё пять других. Таким образом, получается, что каждый документ обладает, как минимум, восемью общими функциями, с чем трудно согласиться. На мой взгляд, к числу функций, присущих всем без исключения документам, без каких-либо оговорок можно отнести лишь две – коммуникационную (представляющую собой двуединство коммуникационно-пространственной и коммуникационно-временной функции) и регулятивную. Все остальные многочисленные функции документа было бы правильнее отнести к специальным (прикладным), которыми документ наделяется в зависимости от тех или иных конкретных задач, решаемых в процессе человеческой деятельности [6. С. 11–15].

Логика дальнейшего теоретического анализа привела автора к необходимости построения развёрнутой документной классификации. Надо заметить, что проблема научной классификации документов до сих пор остаётся одной из недостаточно разработанных и дискуссионных. В практической же деятельности нередко используются эмпирические классификации, обусловленные традициями, практикой работы с документами и не всегда имеющие под собой научное обоснование.

Г. Н. Швецова-Водка в своих работах неоднократно обращалась к теме классификации документов. Однако в рецензируемом издании она скорректировала свои прежние классификационные схемы на основе дополнительно проведённых научных изысканий, а также с учётом критических замечаний оппонентов. Используя фасетный метод, автор выделяет четыре блока классификационных признаков: по материальной, знаковой, информационной составляющей и по обстоятельствам существования документа во внешней среде. Предложенная схема выглядит более обоснованной и развёрнутой по сравнению, в частности, с классификацией Н. Н. Кушнарченко, содержащей лишь три блока признаков.

Г. Н. Швецова-Водка выделила в качестве самостоятельного блок фасет по особенностям знаковых средств фиксации и передачи информации, справедливо отделив его как от информационной, так и от материальной составляющей документа. Вызывает возражение, пожалуй, лишь включение сюда блока признаков, характеризующих способы создания документов. Этот блок фасет, на мой взгляд, может быть выделен в качестве самостоятельного.

Заслуживает внимания позиция автора и по такому дискуссионному вопросу, непосредственно связанному с классификацией, как понятие технотронного документа. Некоторые авторы (В. М. Магидов и др.) излишне широко толкуют это понятие, включая в него фактически любую научно-техническую документацию, не обязательно создаваемую с помощью техники. Между тем технотронным может считаться только такой документ, который «создаётся в результате записи информации на материальном носителе с помощью специально предназначенной для этого техники» (с. 175).

В ряде моментов предложенная Г. Н. Швецово-Водка классификационная схема нуждается, на мой взгляд, в дальнейшей корректировке. В частности, трудно согласиться с тем, что термином *бумажный* обозначаются не только документы, выполненные на бумаге, но также и на папирусе, пергаменте и даже на современных синтетических заменителях бумаги (с. 168). По способу изготовления, композиционному составу, технологическим свойствам это совершенно разные материальные носители информации. Неудачным представляется в целом деление по материалу носителя в таблице 3.1 (с. 169) прежде всего потому, что в предлагаемой классификации акцент сделан на так называемой подложке, т.е. основе материального носителя без учёта состава его рабочего слоя. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что сама Г. Н. Швецова-Водка не считает предложенную классификацию завершённой.

Особая глава в рецензируемой работе отведена книге, которая рассматривается в качестве одного из видов документа. Предпринятый автором глубокий теоретический анализ книги с позиций ноокоммуникологии своевременен и важен хотя бы уже потому, что многие документоведы по-прежнему отказывают книге в праве находиться в одном ряду с другими, прежде всего управленческими документами. Между тем даже в некоторых федеральных законах и национальных стандартах Российской Федерации книга уже сравнительно давно именуется документом.

Г. Н. Швецова-Водка рассматривает книгу прежде всего как вид документа по её месту в социальной коммуникации. С позиций системного коммуникационно-информационного подхода книга выступает в качестве документа производного. Однако среди множества других производных документов специфика книги может быть, по мнению автора, определена одним словом – «издание» (с. 219). При этом автор не ставит знак равенства между понятиями *издание* и *книга*, справедливо отмечая, что последнее значительно шире.

Продолжая теоретическое осмысление понятия книги, Г. Н. Швецова-Водка, на мой взгляд, достаточно убедительно доказывает, что книга не только по своему месту в социальном коммуникационном процессе, но и по признакам классификации, и по важнейшим функциям и свойствам является документом в том же значении, в каком выступают, в частности, управленческие документы. «В принципе, любую книгу можно назвать “документом”, но не каждый документ – “книгой”», – заключает автор (с. 257), определяя понятие книги в конечном счёте следующим образом: «Книга – документ, опубликованный, изданный или депонированный, предоставляемый в общественное пользование через книжную торговлю и библиотеки» (с. 285). В целом представленные в этой главе выводы выглядят гораздо более обоснованно и убедительно, нежели попытки оппонентов вывести книгу за пределы понятия *документ*, а следовательно, исключить её из числа объектов документоведения.

Заключительная глава рецензируемого издания посвящена прежде всего характеристике объекта и предмета документоведения. Наглядно представив историю развития знаний о документе в виде пяти хронологических таблиц (с. 286–306), Г. Н. Швецова-Водка приходит к обоснованному заключению о многоотраслевых корнях современного документоведения и о его связях с практической документационной деятельностью – библиографической, архивоведческой, юридической и т.д.

Значительное внимание автор уделяет многолетней дискуссии, продолжающейся вокруг объекта и предмета документоведения, равно как и вокруг названия самой науки, изучающей документ. Как известно, на рубеже XX–XXI вв. в этой сфере явственно обозначились два основных направления, получившие условные названия «традиционного» («классического») документоведения и «новой версии» («альтернативного», «общего») документоведения («документологии»). Сторонники первого направления зачастую сужают объект и предмет документоведения фактически до управленческих документов, вторые настаивают на широкой (порой – предельно широкой) трактовке понятия *документ* и, как следствие, его объекта и предмета.

Представив основные точки зрения современных авторов по этим вопросам, Г. Н. Швецова-Водка предлагает использовать термин *документология* для названия цикла (комплекса) наук о документе, где документоведение выступает лишь в качестве одной из документологических дисциплин, подразделяющихся на общее и специальное документоведение (с. 319). В свою очередь, документологию, по её мнению, можно рассматривать наряду с теорией социальной информации в качестве составной части ноокоммуникологии (социальной информатики).

Не вполне соглашаясь с подобной трактовкой термина и понятия *документология*, тем не менее можно солидаризироваться с автором, считающим, что «документоведение должно изучать не только

непосредственно сам документ как единство информационной, материальной и знаковой его составляющих, но и все составляющие документальной информационной коммуникации», а предметом документоведения должно выступать «определение видов, структуры и свойств документа, а также закономерностей его создания и функционирования в обществе» (с. 319). Правда, не вполне убедительно и даже противоречиво в таком случае выглядит позиция автора, выводящего за пределы документоведения не только книговедение, но даже архивоведение.

Один из параграфов заключительной главы посвящён возможным путям развития терминосистемы документоведения. Поскольку процесс становления документоведения ещё не завершился, его терминосистема не устоялась. В результате одним и тем же терминам нередко приписываются разные понятия, что не может не создавать изрядной путаницы, в том числе в учебной литературе. Об актуальности этой проблемы свидетельствует хотя бы тот факт, что вот уже на протяжении нескольких лет в Киеве успешно работает ежегодный научный терминологический семинар, в котором участвуют и специалисты из России.

Предлагаемая Г. Н. Швецово-Водка терминосистема включает 54 термина с краткими формулировками значений и охватывает основные аспекты документоведческой сферы. Во многом терминология приемлема, однако в ряде случаев грешит, на мой взгляд, неточностью либо избыточностью. Так, автор определяет значение термина *документационное обеспечение управления* как «обеспечение управления неопубликованными (деловыми, служебными) документами». С этим нельзя согласиться хотя бы потому, что такого рода управление немыслимо без использования многочисленных опубликованных документов – законов, стандартов, правил и т.п. Избыточными, чересчур искусственными выглядят такие термины, как *документалистский процесс*, *документовая форма*, *документовый формуляр* и др.

Дискуссионность ряда утверждений и выводов рецензируемого издания свидетельствует не только о трудном процессе развития науки о документе, но не в последнюю очередь и о научном подвижничестве и смелости автора, настойчиво стремящегося проникнуть глубоко в недра теории документа и не боящегося при этом вызвать на себя огонь критики со стороны оппонентов.

Новая книга Г. Н. Швецово-Водка, безусловно, станет вехой на пути дальнейшей разработки сложного комплекса теоретических проблем документоведения, равно как и поводом для их заинтересованного обсуждения, к чему, кстати, призывает и сам автор.

Список источников

1. **Кушнарченко Н. Н.** Документоведение: учеб. / Н. Н. Кушнарченко. – Киев : Знання, 2000; **Кулешов С. Г.** Документознавство: Історія. Теоретичні основи / С. Г. Кулешов. – Київ, 2000; **Зиновьева Н. Б.** Документоведение : учеб.-метод. пособие / Н. Б. Зиновьева. – Москва : ИПО Профиздат, 2001; **Плешкевич В. А.** Основы общей теории документа / В. А. Плешкевич. – Саратов : Изд-во «Научная книга», 2005; **Ларьков Н. С.** Документоведение : учеб. пособие / Н. С. Ларьков. – Томск : Том. ун-т, 2005; Москва : АСТ; Восток-Запад, 2006.
2. **Швецова-Водка Г. Н.** Документознавство : навчальний посібник / Г. Н. Швецова-Водка. – Київ : Знання, 2007; **Она же.** Общая теория документа и книги : учеб. пособие / Г. Н. Швецова-Водка. – Москва : Рыбари; Киев : Знання, 2009.
3. **Цицерон Марк Туллий.** Три трактата об ораторском искусстве / М. Т. Цицерон / пер. с лат. Ф. А. Петровского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова / М. Л. Гаспарова. – Москва : Изд-во «Наука», 1972.
4. **Записки Юлиа Цезаря** / пер. и коммент. М. М. Покровского // Записки Юлиа Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. – Москва : Ладомир; ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 1999.
5. **Столяров Ю. Н.** Документ: инвариантная и вариативная компоненты дефиниции / Ю. Н. Столяров. – Науч. и техн. б-ки. – 2010. – № 11. – С. 25–33.
6. **Ларьков Н. С.** Общие функции документа / Н. С. Ларьков // Документознавство. Бібліотекознавство. Інформаційна діяльність: проблеми освіти, науки, практики : зб. матеріалів VI Міжнар. наук.-практ. конф., Київ, 19–21 трав. 2009 р. – Київ, 2009.